

ЛЕВ КЛИОТ

СФЕРА

ПОВЕСТЬ. РАССКАЗЫ

**SUPER ИЗДАТЕЛЬСТВО
2016**

Лев Клиот

Сфера (сборник)

«СУПЕР Издательство»

2016

Клиот Л.

Сфера (сборник) / Л. Клиот — «СУПЕР Издательство», 2016

ISBN 978-5-990931-43-5

Можете ли вы представить, что ваш гнев способен принять материальную форму? Именно такой уникальной особенностью обладает Семён, герой повести «Сфера». Всю жизнь он пытался обуздать разрушительную силу, живущую внутри него, и не позволить ей стать смертельно опасной для тех, кто пытался причинить ему вред. Но однажды Семён узнаёт, что с помощью своего необычного дара ему суждено участвовать в спасении всего человечества. Невероятная фантастическая повесть, в то же время поднимающая вопросы выбора и чести, близкие каждому из нас, никого не оставит равнодушным. В книгу также включены рассказы – о простых людях и их судьбах, полных радости и грусти, любви и разочарования, надежд и открытий. Героев этих рассказов мы встречаем каждый день на улице, а некоторые, возможно, увидят в них себя. Писатель Лев Клиот – мастер художественного слова, полюбившийся читателям по роману «Судьба и воля», здесь демонстрирует нам новые грани своего таланта. Трогательные и ироничные, эти рассказы подарят теплые мгновения ностальгии и мысли о самом светлом, что когда-то дарила вам жизнь.

ISBN 978-5-990931-43-5

© Клиот Л., 2016

© СУПЕР Издательство, 2016

Содержание

Сфера	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лев Клиот

Сфера (сборник)

© Лев Клиот, 2016

© ООО «СУПЕР Издательство», 2016

* * *

Сфера

Пролог

Сёмка сидит в темной комнате под ключом. Это Ася, десятилетняя Сёмкина сестра, закрыла его в спальне. Она считала, что он мешает ей каждый раз, когда к ней приходят подружки. Аська знала, что он боится темноты, но это лишь добавляло ей садистского удовольствия. Она таким образом утверждалась в своем беспрекословном превосходстве над братом, мамином любимчике, который к тому же был вдвое ее младше.

Сёмка знал, что Аськины подружки, Таня и Юля, сейчас смеются над ним, и из всех сил сдерживал себя, чтобы не разреветься в голос. Он панически боялся темноты. Герои многочисленных сказок, услышанных им и уже прочитанных самостоятельно, их изображения на цветных иллюстрациях – он помнил все до одного, и среди них были страшные персонажи. Они прятались по углам спальни, под кроватями, за занавесками. Он понимал, что, скорее всего, все это ему кажется, но до конца не был в этом уверен.

Нарастающий страх лишал его способности рассуждать, паника заполняла сознание, и он все сильнее сжимал в своем кулачке перочинный ножик – маленький, пятисантиметровый, с розовой пластмассовой ручкой, из которой вытащил, поддев за выемку в металле, короткое лезвие, надеясь в случае атаки защититься хоть этим, почти игрушечным, оружием. Страх постепенно сменила все возрастающая злость; обида на сестру переходила в ненависть и гнев.

Он чувствовал, что если немедленно что-то не произойдет, то он просто взорвется изнутри. Сёмка услышал, как закрылась входная дверь за подружками сестры и как повернулся ключ в двери его спальни. На пороге стояла Аська. Она смотрела на скорчившегося на полу брата, презрительно поджав губки. Того, что произошло дальше, Сёмка не помнил.

Позже ему об этом сначала осторожно рассказала мама, а потом – и сама Аська. Он, словно зверь, кинулся на сестру, которая, не успев сообразить, что происходит, подняла руку, успев защитить лицо. В эту руку Сёмка и вогнал лезвие своего оружия по самую рукоятку. Дикий Аськин визг, кровь на полу – эта картина будет восстанавливаться потом, а пока что перед ним была пелена, черная завеса небытия.

Пока Аське дезинфицировали и перевязывали рану, девчонка громко смеялась. Такая была у нее странность: всю жизнь Сёмкина сестра путала эмоции, всегда, когда нужно было плакать, она смеялась, и это вызывало у окружающих, которые в эту ее странность не были посвящены, осуждение – ведь она могла рассмеяться и на похоронах.

Рана не была опасной, и через полчаса Аська уже с аппетитом уплетала пирожное. Родителей больше беспокоил Сёмка. Он все никак не мог успокоиться: все эти полчаса он не плакал, он как-то нервно всхлипывал. Это было неконтролируемо, и он не мог заставить себя остановиться. Его просили рассказать, почему он ударил сестру? Он не отвечал. Аська сама рассказала, как все было, и отец пригрозил ей ремнем, чего она после такого серьезного кровопролития никак не ожидала. Мама весь вечер просидела с сыном, объясняя ему, что надо научиться сдерживать себя:

– То, что ты сделал, очень опасно. Ася, конечно, плохо себя вела, но ты мог совершить ужасное преступление, и тебя за это могли бы посадить в тюрьму.

Тюрьма очень сильно испугала Сёмку. Он представил себе пещеру, закрытую решеткой; в пещере страшные, грязные люди, в лохмотьях, с заросшими бородой лицами. Они сидят на камнях и на грязной, мокрой земле, и он среди этих людей должен будет жить до старости.

– Ты должен научиться сдерживать свой гнев.

– Что такое гнев?

– Это такое чувство, – мама задумалась: как объяснить маленькому мальчику, что значит это слово? Она и сама не была уверена, что сможет передать глубину этого состояния, присущего человеку, а может быть, и не только человеку. Может быть, их маленькая собачка тоже умеет гневаться. Мама улыбнулась: – Я пока не смогу тебе как следует объяснить, что это такое, просто когда ты будешь очень сильно сердиться и тебе захочется сделать что-то похожее на то, что ты сделал сегодня с Асей, останавливай себя, вспомни, как это плохо – и тому, кому ты можешь причинить боль, и тебе самому. Ты же видишь, как сильно ты теперь переживаешь.

– И еще, – чуть слышно добавил Сёмка, – в тюрьму могут посадить.

Мама его шепот расслышала и, как не пыталась быть строгой, но и на этот раз не смогла сдержать улыбку. Так в тот раз все и закончилось.

Двадцать копеек на мороженое – пломбир в вафельном стаканчике – Сёмке дали только после того, как он твердо пообещал есть его медленно, согревая во рту. Месяц тому назад ему удалили гланды. Слишком частая ангина пугала родителей больше, чем операция, которую провел лучший в городе хирург, близкий друг отца. Лето было в разгаре, и эскимо, стаканчики со сливочным или шоколадным мороженым в руках прохожих и друзей загорались в Сёмкиных глазах красными фонарями. Но он был мальчиком дисциплинированным и выполнял условия, которые ему были выдвинуты родителями: первое мороженое через месяц после операции.

Ему уже исполнилось шесть лет. Этой осенью начнется школа, так что он считал себя вполне самостоятельным человеком. Школа находилась прямо напротив его дома, нужно было всего лишь перейти дорогу. В соседнем со школой здании расположился магазинчик, в котором заполняли сифоны газировкой и продавали мороженое на развес. Туда-то, зажав в кулаке нагретую ладонью двадцатикопеечную монетку, Сёмка и отправился. В маленьком городке все друг друга знали, и тетя Валя, заполнявшая вафельный стаканчик, не поскупилась сделать горку над ним побольше.

– На, Семён Иосифович, наслаждайся, только не болей.

Сёмка вышел на улицу. Он постоял на тротуаре, подставив солнцу лицо, словно решил хорошенько нагреться перед тем, как в первый раз лизнуть заветную ледяную сладость. Солнце было таким ласковым, и так хорошо ему вдруг стало на душе... Впереди долгое лето! Страшная операция – он очень ее боялся – позади, и в руке у него мороженое.

Сёмка зажмурился, пропуская через прикрывшие глаза веки горячий, солнечный свет, свет цвета алой крови... В первую секунду, когда его качнуло от пробежавшего мимо большого мальчишки, он ничего не понял, и только во вторую секунду увидел, что его мороженое лишилось заботливо уложенной тетей Валей горки. Он не успел раскрыть рта, как другой мальчик, поменьше, на бегу запустив руку в вафельный стаканчик, зачерпнул еще треть его пломбирного счастья. Сёмка мог догнать этого второго, такого же маленького, как он, но в какое-то мгновение мамино «надо сдерживать свой гнев» его остановило.

Он потом расскажет ей, как все произошло, и запомнит это на всю жизнь, но в тот момент, как и в той темной комнате, когда он ранил свою сестру, Сёмка оказался за черной завесой небытия. Волна ненависти к тем, кто разрушил его праздник, так долго ожидаемое удовольствие, весь этот прекрасный день, поднялась откуда-то снизу, заполнила грудь, и он почувствовал, как его взгляд ударился в спину этого маленького воришки чем-то горячим, клубком сияющих нитей – так ему показалось.

Мальчик в это время перебежал дорогу. Его старший поделник ждал на другой стороне, слизывая с пальцев остатки украденной горки. Мальчик видел, что ему навстречу двигалась машина, но он бежал быстро, а машина была далеко и не представляла угрозы, но вдруг он замедлил бег и обернулся с выражением ошеломляющей растерянности на лице.

Его сбила зеленого цвета «Победа». Водитель успел среагировать, и удар бампера по застывшей фигурке пацана не убил его, а лишь отбросил на асфальт, сломав тазобедренный сустав и крепко приложив головой об асфальт.

Сёмка видел, как подъехала «скорая помощь» и мальчика положили на носилки, слышал, как он кричал. Видел, как убежал тот, второй, большой. В нескольких кварталах от школы находился центральный городской парк. Там, на лавочке в одной из тихих аллей, Сёмка просидел целый час и только потом вернулся домой. Родители были на работе, сестра в пионерском лагере, и Сёмка слонялся до самого вечера по пустой квартире, не находя себе места.

На журнальном столике лежал проткнутый двумя спицами большой клубок шерстяных ниток. Мама по вечерам, если у нее оставалось время от домашних забот, всегда что-то вязала. Сёмка любил такие моменты, он пристраивался к ней поближе и просил что-нибудь рассказать. В этот вечер, накрывая на стол, она говорила с отцом об ужасном происшествии, которое случилось прямо возле их дома.

– Мальчик в больнице и, наверное, останется инвалидом. Вот что бывает, когда невнимательно перебегают дорогу, – добавила она, уже обернувшись к Сёмке, и погрозила ему пальцем.

Он замер в ужасе, ожидая продолжения этой истории: вдруг кто-то видел, с чего все началось. Но мама больше ничего не сказала, все соседки судачили об этом, но все, что они говорили, сводилось к тому, что мальчишка – бестолковый ротозей – буквально бросился под колеса проезжавшей машины.

Сёмка дождался, когда мама сядет в кресло со своими спицами, и, прижавшись к ней поплотней, стал рассказывать на ушко о том, что произошло с ним и с тем мальчиком на самом деле. Он боялся этого рассказа, но не мог сдержать переполнявшие его чувства. Мама разволновалась сильнее, чем он мог себе представить, и заставила повторить еще раз подробно. Когда Сёмка снова стал вспоминать, как все происходило, он вдруг схватил клубок с ее колен и показал ей:

– Вот такой шар из меня вылетел, только он был пустой внутри, он был такой, как если бы ниточки остались только сверху, и они все были золотые, – Сёмка немного подумал и потом, с некоторым сомнением, добавил: – Или огненные, и сильно крутились.

– Как крутились? – ошарашенно спросила мама.

Он положил клубок на паркет и крутанул:

– Как юла.

Глава 1

* * *

Семён привычным жестом потрогал медальон на кожаном шнурке. В серебряном цилиндре пряталась маленькая стеклянная капсула с почти прозрачной, лишь слегка отдающей желтизной жидкостью.

Семён Шлосберг застрял в Домодедово на долгих четыре часа. В самолете обнаружилась какая-то неисправность, и он сначала коротал время в ресторане, а затем переместился в бар. Джин с тоником уже несколько раз покидали его стакан и заполняли вновь. Настроение было ужасным. Проблемы, одни бесконечные проблемы. Если это черная полоса, то она безбрежна, а если у нее есть край, то как бы за ним не оказалась бездна. Бизнес в России, похоже, уже второй год у этого края, и в остальных регионах, связанных с Россией, дела не лучше.

А теперь еще и Левин, самый близкий друг, один из тех, с кем можно было быть до конца откровенным, находится в безнадежном положении в госпитале Мюнхена – рак легких. Этот полет к нему – прощальный визит. Володя позвонил вчера и еле слышно прошептал:

– Сёмочка, прилетай, пришла пора попрощаться.

Джин винтом вкручивался в сознание, разбередив то, о чем и вовсе не хотелось думать. Эти детские воспоминания, то, с чего все начиналось... Нет, он никогда не забывал тот первый случай с золотым шаром. Но очень много времени прошло до того момента, когда его жизнь столкнулась с по-настоящему страшным, с тем, что заставило его искать оправдание. Да, первое, что захлестнуло тогда: «Моей вины в этом нет. Это что-то необъяснимое, не подчиняющееся никаким законам. Я не преступник, не убийца. Никто, даже если я расскажу об этом на центральном телевизионном канале, не сможет предъявить мне обвинение». Но и оставаться в таком неконтролируемом положении он тогда больше не мог.

Впрочем, сказать, что он совсем не умел справляться с этим, было бы неправдой. После случая с мороженым мама решила, что это все-таки Сёмкины фантазии, и просто усилила внимание за его поведением. А он продолжал жить обычной жизнью маленького мальчика, но больше никому об этом случае не рассказывал. Он словно понял про себя нечто такое, что все равно не смог бы объяснить другим, но твердо знал: он от этих других отличается. Оставаясь один, он возрождал в себе это ощущение увиденного крутящегося шара. Он привыкал к нему постепенно, словно учился кататься на велосипеде. Ему долго не случалось использовать это умение, он этого боялся и, приручая шар, добивался лишь того, чтобы он не был опасным. Все это происходило в течение нескольких лет и вошло в ткань его жизни так естественно, как если бы он научился дышать под водой, и Сёмка уже перестал этому удивляться.

* * *

Лишь однажды, когда ему было лет десять, случилось то, что он впоследствии назовет «противоходом». Летом Сёмка с семьей жил в дачном поселке у озера. Он дружил со своим одноклассником Борькой Смирновым, большим толстым мальчишкой. Дружба при этом основывалась, главным образом, на соседстве и по дачам, и по школьным делам. Ссорились они обычно по мелочам, и Борька, пользуясь практически двойным преимуществом в весе, ставил точку в споре тем, что начинал с Сёмкой борьбу и всегда оказывался сверху. Сёмка не испытывал по этому поводу каких-то серьезных переживаний, наверное, потому, что внутренне был уверен: в настоящей драке он легко победит неповоротливого приятеля. Так и вышло.

Сёмкин отец, Иосиф Шлосберг, должен был получить по распределению на своем предприятии мотоцикл «Урал», но в результате сложных интриг этот мотоцикл достался какому-то областному начальнику, а Шлосбергу предложили «ИЖ Планету», сильно уступающий «Уралу», и отец согласился: не захотел ждать целый год, пока случай еще раз ему улыбнется.

Борька услышал дома, как его родители, обсуждая эту историю, назвали Сёмкиного отца дураком.

– Дурак Иосиф, согласился на такое барахло, лучше бы вообще ничего не покупал – деньги целее были бы.

На следующий день Борька, дождавшись первого намека на ссору, выложил эту родительскую оценку приятелю как аргумент в их разгорающемся споре:

– Ты дурак, такой же, как и твой папаша.

Борька не представлял, как сильно задел своего товарища. Для Сёмки отец был самым прекрасным и самым умным человеком на свете. Сёмка не был обидчив, легко прощал обычные среди детей дразнилки и колкости, но отец – это совсем другое дело, за это нужно было ответить.

Они играли в грузоперевозки, используя для движения своих игрушечных грузовиков дорогу, проложенную по куче желтого песка, приготовленного рабочими возле одной из строящихся дач. Строительство дачных домиков было в этом поселке в самом разгаре, и кругом валялось множество приготовленных или брошенных за ненадобностью материалов.

Когда в Сёмкиной душе зажглось то, чем он научился управлять, пришло решение дать волю гневу, но не тому, с шаром, а обыкновенному. Как-то само в голове сложилось: не здесь и не с таким, как этот толстяк, можно проявлять свои тайные возможности. Слишком необъяснимо и опасно в близком кругу это будет выглядеть. И значит, можно проверить себя, уравновесив эти возможности обычным способом наказания обидчика.

Сёмка вытащил из связки штапиков для укрепления стекол, лежавшей у стенки недостроенного коттеджа, длинный, треугольного сечения деревянный хлыст, взвесил его в руке, почувствовав пружинистость, и попросил Борьку повторить то, что он сказал. Борька, правда уже без энтузиазма, повторил про дураков и получил первый хлесткий удар по заднице. Взревев, он бросился на обидчика, привычно полагая, что, схватив его в охапку, повалит на землю и будет душить всем своим весом, но в этот раз Сёмка в его руки попадать не собирался. Он бегал вокруг толстяка и бил, приговаривая:

– Ну-ка, повтори! Не хочешь еще раз повторить, кто дурак?

Трость била Борьку по спине, по ногам, по заднице, и если он вначале ревел от злости и желания уничтожить эту мельтешащую перед ним неуловимую тень, то через несколько минут рев превратился в рыдания, и Борька побежал, ничего не видя сквозь слезы, размахивая руками в надежде защититься от обжигающих ударов. Но Семён его не преследовал, он стоял, спокойно помахивая своей палочкой, словно рапирой, и на душе у него было радостно: он сумел перевести свою злость в обычную, физическую, понятную форму.

Вечером во двор к Шлосбергам отец и мать Смирновы привели прятавшегося за их спины Борьку. Сёмкина семья ужинала за столом в летней кухне, и когда Борькин отец молча развернул сына к ним спиной и спустил штаны, все замерли в ужасе, разглядывая на белой Борькиной коже вздувшиеся синие полосы, покрывающие всю спину, ягодички и толстые ляжки. Борька, застеснявшись уже взрослой Аськи, вывернулся из отцовских рук, натянул штаны и заплакал, уткнувшись в мамино плечо. Все посмотрели на Сёму:

– За что? – первое, что произнес Иосиф.

– Ни за что, – вступила Борькина мать. – Ваш сын – просто зверь! – И еще раз подтвердила: «Ни за что!».

Тогда все вновь обернулись к Сёмке, и уже его мать, схватив его за шиворот, повторила:

– За что?

Сёмка вырвался из маминой хватки и сделал шаг к Борьке:

– Пусть сам скажет!

Тот, шмыгая носом, делал вид, что никак не может справиться с застёжкой на штанах, но когда поднял глаза и встретился взглядом с Сёмкой, промямлил:

– Я его папу дураком назвал.

Борькин отец сплюнул и дал сыну такого подзатыльника, что тот снова заревел в голос. С тем и удалились.

...Семён усмехнулся, вспомнив заплаканную Борькину физиономию, и решил встать с высокого барного стула, но джин ударяет сильнее в ноги, чем в голову, – пришлось остаться у стойки и заказать кофе.

Глава 2

Инета Ундрате вела свой черный «Фольксваген Гольф» по приморскому шоссе в сторону загородного дома Валдиса Курлайса, руководителя прибалтийского отделения шведской торговой сети «Римини». Рядом, максимально отодвинув сидение и предварительно скинув узкие лодочки на шпильке, вытянула длинные ноги ее коллега и подруга Инга Скривере. Дамы были в приподнято-возбужденном настроении: их вполне удовлетворил результат проведенного накануне конкурса на вхождение в сеть поставщиков.

Все их «клиенты» в непродуктивной товарной группе остались на местах. Вишенкой на торте стало очередное «нет» одной маленькой фирме и ее владельцу с труднопроизносимой фамилией Шлосберг. Но самой приятной новостью оказалось приглашение на уикенд к человеку, от которого очень многое зависело в их жизни, карьере и материальном благополучии.

Курлайс был видным мужчиной, впрочем, этот оборот речи не вполне описывал то, что испытывали обе эти женщины к высокому брюнету – умному, успешному, обладающему яркой харизмой, настоящему образчику их вожделений. Но всё это, разумеется, чисто гипотетически. Курлайс никогда не давал ни малейшего повода к каким-то иным отношениям, кроме рабочих. Впрочем, и дамы из черного «Фольксвагена» ни на что иное не рассчитывали. Их радость по поводу этого приглашения была иного рода.

В последние пару лет отношения с руководством и, в первую очередь, с Валдисом были если и не натянутыми, то слегка напряженными. И все из-за проблем, возникших, как им казалось, на ровном месте, благодаря этому неприятному типу, владельцу «Весты», маленькой компании торгующей аксессуарами.

Но вчера вечером Инета, докладывая Курлайсу о результатах конкурса, сообщила как бы вскользь о том, что «Веста» вновь получила отказ, подчеркнув, что решение было принято ответственной и квалифицированной комиссией.

Дело в том, что за несколько дней до начала этого мероприятия Валдис в очень корректной форме попросил ее быть по отношению к этой компании справедливой и выразительно посмотрел ей в глаза. Но, посоветовавшись с Ингой, Инета все-таки решила приложить максимум усилий для того, чтобы Шлосберг, доставивший ей столько неприятных минут, остался ни с чем, ну и, конечно – и это все-таки было главным – должны были остаться в поставщиках ее люди, ее «клиенты» – прямые конкуренты «Весты».

Курлайс не проявил при этом известии какой-то очевидной реакции, но маленький червячок сомнения в душе Ундрате остался, и он свербил до сегодняшнего утра, до того, как неожиданный телефонный звонок от «самого» не привел ее в самое прекрасное расположение духа. Он пригласил и Ингу, за которой Инета заехала по дороге.

* * *

Семён наконец занял свое место у окна в салоне «Боинга» и приготовился уснуть, но не смог. Впереди встреча с Левиным. Как нужно будет себя вести, какие слова подбирать? Он ненавидел всякое «давай держись» и знал, что Володя тоже не переносил эту дежурную жвачку. Левин был сильным человеком, реалистом, не терпевшим фальши. Они вместе прошли длинный путь мужского содружества. Познакомились на теннисном корте, потом Володя, заядлый лыжник, приучил Семёна с женой к горным лыжам. Вместе они объездили полмира, находя друг в друге близких по мировоззрению и убеждениям собеседников. Левин обладал сложной натурой, трудно сходилась с людьми и лишь нескольких самых близких считал друзьями.

Болезнь подкралась к нему еще в далекой юности. В двадцать пять лет он попал в аварию: сломанные ребра, абсцесс, а через несколько месяцев обнаружили рак. Блестяще проведенная операция и лекарства из Франции (помогли близкие друзья отца) спасли его. Молодой организм спортсмена справился со смертельной угрозой. Но болезнь вернулась через тридцать лет, и лучшие немецкие врачи сумели лишь исключить невыносимые страдания. Володя уга-сал тихо.

Левин был единственным человеком, которому Семён рассказал о своей тайне, своей удивительной, необычной способности всё от самого начала. Тот отнесся с большим интересом, но спокойно, не досажда лишними вопросами. Лишь однажды, крепко выпив в ресторанчике в швейцарских Альпах, долго всматривался в Семёнкины глаза:

– Слушай, а может, напридумывал ты все? Фантазии это. Может, покажешь этот шар, как он крутится?

Семён не ответил. А утром Володя извинился, сказал, что помнит, о чем спрашивал в ресторане, и про то, что шар этот золотой никто, кроме самого Семёна, увидеть не может, тоже помнит, но не сослался на то, что был сильно пьян, как сделал бы на его месте другой.

– Поверишь? Зависть заела пьяного, значит, сидит она во мне и трезвом, а я, чтобы кому-то позавидовать, очень серьезный предмет для зависти найти должен – цени!

Глава 3

Был еще один человек, которому Семён рассказал лишь небольшую часть того, что с ним происходит. Рассказал от охватившей его паники, спасаясь от себя самого. И, как оказалось, спасение в этом человеке он нашел. Так звери находят только им ведомую траву, способную вылечить их от ран или болезни. Зверь не может прийти к ветеринару, у зверя на этот случай есть свой, заложенный в генной цепочке, код.

Стюардесса предложила меню, Семён заказал томатный сок и сто грамм водки. Алкоголь увел от мрачной реальности, вернул к воспоминаниям.

После избиения несчастного толстяка Борьки серьезных инцидентов у Семёна не было.

Уже в старших классах случались драки, и он участвовал в них, используя «конвенциональное» оружие. Несколько лет он занимался классической борьбой и мог постоять за себя без применения своих особых возможностей. Два случая, тем не менее, он запомнил, когда эти возможности проявили себя в «облегченной форме».

Однажды в школу на танцы пришли курсанты из летного училища и, как часто случается среди разгоряченных близостью женской плоти молодых мужчин, началась драка из-за школьных девчонок. Курсантов было человек десять, а противостоять им решились трое ребят из десятых классов. Двоих курсанты смели сразу, и остался один, Женька Игнатьев, очень сильный парень, гроза школы и постоянный клиент участкового милиционера. Что-то в Сёмке, кроме всех иных его качеств, было такое, что позволяло ему находить отклик в душах отверженных, сходиться с людьми сложного характера. Вот и с этим Женькой у него был такой контакт: тот только с Семёном из всего класса и считался.

Курсанты взяли Женьку в круг, сняли ремни с тяжелыми латунными пряжками и стали молотить несчастного хулигана этими пряжками, словно цепями на току. Для верности будущие летчики предусмотрительно заточили края пряжек, и на стриженной Женькиной голове появились глубокие изогнутые кровавые змейки. Сёмка подоспел к тому моменту, когда Игнатьев начал терять сознание, и, если бы не Сёмкин шар, очень тихо пролетевший по курсантскому кругу, могли бы Женьку забить насмерть.

Трусливо наблюдавшие за дракой школьники с удивлением увидели, как курсанты, словно в игре «замри-отомри», замерли с повисшими на поднятых руках ремнями, а потом сбились в кучу, словно не один полуживой пацан противостоял им, а какая-то иная сила, только им ведомая, но очень страшная, и ринулись из школьного двора, сбивая друг друга, спотыкаясь, не разбирая дороги, под улюлюканье осмелевших школяров. А Женьку скорая увезла в больницу.

Только через много лет Семёну объяснят, почему он, мальчишка, обыкновенный, в общем-то, пацан, так осторожно, так щадяще и рационально использовал свой дар. Он ведь мог... Он мечтал воспользоваться этим даром, перемещаясь во времени и пространстве, каждый раз, когда читал или видел на экране сцены насилия: войны, концлагеря, теракты. Страдания и гибель маленьких детей – вот что волновало его больше всего. Но странным образом это чувство растворялось в обычной жизни, исключая возможность вмешаться и натворить больших бед.

Глава 4

Инга что-то говорила о проблемах с мужем, о своих подозрениях по поводу его неверности. Инета слушала ее сквозь пелену собственных переживаний, погружаясь в сладостное состояние уверенности в обретенном благополучии. Все в ее жизни и в семье как-то выровнялось: младший сын – серьезный, старательный мальчик, никаких хлопот со школой, спортсмен, может быть, даже с перспективой, тренер очень хвалит; дочка – уже невеста, в следующем году окончит школу, и ее ждут на факультете журналистики друзья мужа. Ну, не совсем мужа – они так и не расписались. Но теперь это уже не важно.

Арнис – актер, его невозможно оценивать по обычным, общепринятым меркам, она с этим уже давно смирилась и, что греха таить, слегка охладела. Стала встречаться с мужчинами, осторожно, не часто, но это только сильнее будоражило кровь. Теперь Инета вполне независима в финансовом смысле. От Арниса она если что-то и получала, то немного и время от времени. Мать – пенсионерка, а дом, двухэтажный особняк в престижном районе, оставшийся от отца, требует постоянных затрат. Дети, машина, да и самой, как Инга говорит, на задницу что-то приличное надо натянуть. Да, теперь она может всё это себе позволить, не рассчитывая больше ни на кого.

Два года назад, когда она заняла эту должность, в компании произошли серьезные организационные изменения, и их офис, прежде отвечавший за одну прибалтийскую республику, превратился в центр управления всем Балтийским регионом. Этому предшествовал серьезный коррупционный скандал, и большая часть прежних сотрудников была уволена. Под раздачу попали и виновные, и те, кто представлялся новому руководству неудобными по разным причинам.

Но вот ей удалось занять кресло, оказавшись приближенной к узкому кругу, и тогда перед ней открылись иные «возможности». Маленькая страна, фильтр отбора простой: нужны «свои»: родственники, друзья, любовницы, нужные люди для нужных связей – во власти, в спецслужбах, в СМИ.

Смена менеджмента повлекла за собой и смену поставщиков. Вот с этого и началось все приятное и – внутри что-то словно кольнуло иглой – неприятное. Инета нервно дернула ногой, и педаль газа, вдавленная в пол, заставила взречь двигатель.

– Что с тобой?

Инга, несмотря на пристегнутый ремень, чуть не съехала с кресла.

– Да так, вспомнила, как мы начинали.

– Это ты Шлосберга в пол вдавила?

Неожиданная злость, с которой Инга произнесла это имя, и прозорливость подруги мутной волной плеснули в прозрачную чистоту утреннего настроения. Инета попросила подругу продолжить свою эпопею обманутой жены, на этот раз совсем перестав ее слышать и уже с ожесточением вернулась к воспоминаниям.

Переход к новой концепции – один поставщик на все три республики – стал удобным поводом к смене компаний, участвующих в борьбе за этот значительно выросший для каждого из них кусок пирога, пирога для бизнеса поставщиков и сладких крошек с него для тех, кто формировал новую колоду, предоставляя доступ на торговые площадки «Римини».

В тихом ресторанчике Вильнюса Инета встретила с одним из рекомендованных Ингой господ. Разговор длился не дольше тех нескольких минут, которые понадобились для того, чтобы оставить пустой чашку кофе. Предложение от трех небольших компаний лежало в большой коробке французских духов. Коробка была запечатана, и когда у себя в номере Инета раскрыла ее, она была удивлена не той суммой, которую в пятисотенных купюрах евро там обнаружила, а тем, как эти купюры туда попали, не нарушив фабричной упаковки.

Айга, ее помощница, позвонила поздно вечером:

– Что будем делать с «Вестой»?

– А почему к ней нужно относиться иначе, чем к остальным?

Вопрос молоденькой помощницы вызвал резкое недовольство начальницы.

– Ну, все-таки они в сети тринадцать лет, и о них всегда были только положительные отзывы.

– Нашлась компания получше, – Инета не стала искать слова для убеждения глупой девчонки, раздражение нарастало, и она готова была оборвать разговор, но все-таки взяла себя в руки и продолжила:

– Скажешь, как и всем остальным: вы не прошли по конкурсу.

– Я понимаю, – Айга смутилась, – а в каком тоне им это передать?

– В жестком.

На этот раз Инета бросила трубку и достала из бара маленькую бутылочку коньяка.

Семён задремал; разбудила его турбулентность. Необходимо было пристегнуть ремень. Он машинально нащупал нагретый телом серебряный медальон на кожаном шнурке вокруг шеи. Эта привычка – удостовериться в его наличии при пробуждении – не раз себя оправдала. Тогда, два года назад, звонок Нины Донцовой, генерального директора его фирмы, застал Шлосберга за рулем.

– Семён Иосифович, нам отказали в продлении контракта с «Римини».

Он чуть не врезался в шедший рядом микроавтобус. Резко вывернув руль, остановился на обочине.

Это была ужасная, катастрофическая новость. Ничего подобного все предшествующие переговоры с представителями сети не предполагали. «Веста» начала сотрудничество с «Римини» много лет назад, когда такой группы товара там не было. Он со своими людьми разработал матрицу, создал коллекцию специально под требования шведского концепта. С каждым годом оборот и площади, отводимые под выставку этого товара, увеличивались. Просьба со стороны сети всегда была одна: качество коллекции должно быть на уровень выше, чем у конкурентов. Это требовало серьезных усилий, товар собирался от десятка зарубежных поставщиков и, действительно, значительно отличался от всего, что представляли в этом сегменте другие компании.

Семён набрал телефон Айги, их сетевого менеджера. Она недавно заняла свою должность, и у них было всего две встречи, на которых ни у одной из сторон не возникло сомнений в безоблачности их отношений.

Но в этот раз тон у девушки был ледяной.

– Айга, вы можете мне объяснить?..

Она тут же его прервала, явно ожидая этого звонка и приготовив ответ заранее:

– Вопрос решен, и все дальнейшие переговоры вы должны вести с моим руководителем Инетой Ундрате. Но она сможет вас принять только недели через две.

Что значит решен? Вы могли все-таки предварительно встретиться с нами, высказать претензии – и мы бы все уладили. Вы не можете просто так выбросить из бизнеса компанию, проработавшую с вами почти полтора десятка лет и поставить ее на грань разорения.

– Вы для нас ничем не отличаетесь от всех остальных участников конкурса, и уясните себе: я работаю в «Римини», а не в «Весте», и не собираюсь за вас волноваться.

Айга предполагала все-таки помягче обойтись с владельцем хорошо известной ей фирмы. Она сама покупала их аксессуары и для себя, и для своих бабушек, мамы и свекрови, но по ходу разговора завелась, чувствуя отвращение к необходимости врать, и отвращение это перенесла на все возрастающую неприязнь к Шлосбергу.

Семён остановил разговор и уже другим тоном произнес:

– Айга, не делайте этого! То зло, которое вы принесете моим людям, может обернуться против вас – так устроена жизнь!

– Вы мне угрожаете?

Айга перешла на визг. Что-то в его словах ее испугало, по-настоящему сильно испугало. Семён отключил связь и дрожащей рукой достал из медальона ампулу, сорвал крышку и выпил одним глотком. Позже он узнает, что девчонка была беременна, и поблагодарит Бога за то, что успел проглотить эту желтоватую влагу. А Инета возьмет на вооружение эти его слова о том, что «зло возвращается», как реальную угрозу, и будет ею пользоваться, как щитом.

– Этот тип угрожал нашей беременной девочке! – Так она ответит на недовольство руководства, обращенного к ней после первого письма, полученного от компании «Веста».

Но это позже... А в тот момент Семёну казалось, что можно исправить ситуацию. Он ошибался.

Глава 5

«Не делайте этого». В разных интерпретациях он повторял это предупреждение после того страшного случая в училище. Он тогда решил, что, предупреждая человека об опасности, он снимает с себя часть вины, если в его случае вообще уместно говорить о вине. Но тогда он искал любую возможность избавиться от напряжения и этого тягостного чувства без вины виноватого.

Степанов Александр Петрович. Так звали старшего сержанта помкомвзвода. Он был старше всех в роте. Поступил в училище со сверхсрочной службы и для молодых ребят являлся источником свода гласных и негласных законов поведения в армейской среде. Его не любили. В высшем военном училище дедовщина, как правило, себе места не находила, а у Степанова эти замашки проявлялись, но по- особенному. Крупный, под два метра ростом, с мясистым розоватым лицом, под пшеничными усами – широкие губы, кулак с голову величиной. Противостоять ему было сложно. Парнем он был неглупым и, если хотел добиться чего-то от подчиненных: чего-то лично для себя, чего-то недостойного для пацанов, которых нагибал, – то делал это, не стесняясь опуститься до слезной просьбы, так мягко, по-дружески, при этом невзначай прихватив своей лапицей за гимнастерку или приблизив за шею к пахнущему луком рту. Вроде решил по-свойски пошептаться, а заканчивалось просьбой постирать обмундирование после отбоя, сбегать в буфет за булочкой – денег при этом не предлагал, – ну, а уж если почтальон приносил кому-то посылку с дефицитными продуктами, которую мамочка любовно собирала своему сыну, то на четверть, а то и больше, ее содержимое принадлежало ему.

За глаза курсанты пренебрежительно звали Александра Петровича Сашкой. По службе обращались: «Товарищ старший сержант», а в близком общении, в курсантском кубрике могли бы по-свойски называть Петровичем, командиром или, более уважительно, по имени-отчеству. С другими младшими командирами так и было. Но Степанов своим так и не стал, и уничижительное «Сашка» стало печатью, приговором курсантского сообщества по отношению к этому человеку.

Сёмка на первом курсе, только начиная вникать в армейские законы сосуществования, попал под луковое обаяние сержанта. Поначалу ему показалось, что надо принять такую норму поведения, предложенную служивым человеком. Тот был старше на семь лет и пять лет уже носил погоны. В общем, как-то раз уступив просьбе облапившего его Степанова, постирал он после отбоя ему гимнастерку и, уже выкручивая ее перед тем, как повесить сушиться, вдруг ощутил такой стыд, такое навалившееся отвращение к себе, что прошел через всю казарму к Степановской койке и бросил эту мокрую гимнастерку прямо в большое розовое лицо сержанта.

Сашка вскочил во весь свой голый рост – он имел привычку спать без одежды и всех поражал своим контрастирующим с огромным телом микроскопическим членом. При одном взгляде на него вовсе смешными выглядели хвастливые рассказы о многотысячных его победах на бабском направлении.

Сёмка приготовился к серьезному противостоянию и просил боженку не дать его гневу вырасти до опасного напряжения. Он к тому времени уже придумал разные, хоть и похожие друг на друга мантры, снижающие, как он надеялся, силу его возмущения – правда, как правило, помощи от них было чуть. Но голый сержант, быстренько осмотревшись вокруг и оценив степень «поражения» в смысле свидетелей происшествия, убедился, что все мирно спят. Он тихо отдал приказ Сёмке лечь в койку, а сам унес гимнастерку в сушилку.

Несколько дней ничего необычного в Сёмкиной жизни не происходило. Но он был уверен: Сашка так просто этот его поступок не оставит. Все началось штатно на утреннем построении. Степанов почти дружески пожурил Семёна за плохо вычищенные каблуки его яловых сапог и назначил один наряд вне очереди. На это никто не обратил внимания – обычное дело. Но с этого первого наказания Сёмкина жизнь с каждым днем становилась все невыносимее.

Участившиеся наряды, замечания, выговоры превратили его в такого маргинала-неудачника. Степанов наказывал его продуманно, по-иезуитски подгадывая очередной наряд к праздникам, часто лишая возможности пойти в увольнение. Бессонная ночь перед экзаменом или зачетом, проведенная за чисткой картошки на кухне, отражалась и на успеваемости, предоставляя Степанову дополнительные поводы вымещать на Шлосберге свою злобу. Его бесило то, что остальной личный состав к Сёмке относился с большой симпатией. Несмотря на всё давление помкомвзвода, Шлосберг, в прошлом капитан команды КВН в своей школе, организовал Театр юмора и солдатской сатиры, привез в училище девчонок из местной театральной студии, сам придумывал сюжеты для пьес и был принят местной публикой под аплодисменты.

Александра Петровича это теплое отношение к Семёну бесило все сильнее, и он сумел сплести такие сети несчастному, что в первый отпуск, которого все первокурсники ждали, как величайшего праздника: увидеть маму, показаться в военной форме своим одноклассникам и девчонкам, конечно, в первую очередь – почти все переписывались с кем-нибудь из прошлой школьной жизни.

Вот в этот первый отпуск Сёмка не поехал – остался в казарме. Сашка попросился с ним при свидетелях, посочувствовал и попенял за плохое поведение на прошлой утренней зарядке: плохо, мол, портянки заправил в сапоги и натер ноги, – и закончил глумливо: «А если бы это случилось в бою?».

Весь отпуск, долгих три недели, перед Сёмкиными глазами стояла эта Сашкина ненавистная рожа. Но он терпел – так глубоко в нем сидело уважение к армейскому уставному устройству службы. Ему, мальчику из домашнего маминого уюта, казалось, что он более других должен проявлять стойкость характера, вопреки всем сложностям этого уклада, противоположного его прошлой жизни.

И все-таки обида жгла невыносимо. Он скорее переживал не за себя, а за маму и отца. Они точно не заслужили этого наказания разлукой. Но в увольнения за эти несколько недель он ходил свободно. Ротный и командир взвода отнеслись с полным сочувствием к его беде: они понимали, что в отпуск его не пустил коварный помкомвзвода, но ничего с хитрым сержантом поделать не смогли.

Правда, нет худа без добра: за эти три недели Сёмка близко сошелся с одной из участниц их театральных изысканий, Ирочкой Нежиной. Умная, начитанная девочка стала его спасением в эти дни. И настоящим спасением она вскоре окажется в последующих событиях совсем иного, зловещего толка.

Курсанты возвращались из отпуска, перебивая друг друга, шумно обменивались впечатлениями, угощались привезенными деликатесами: салом, колбасой, консервами, домашней выпечкой. Сёмку угощали особенно щедро, словно испытывали перед ним вину за то, что не отстояли перед сукиным сыном Степановым, и все наперебой приглашали к спонтанно организованным столам. Он с удовольствием напробовался всех этих замечательных вкусов и в конце концов почувствовал, что больше ни куска проглотить не сможет. Есть после нехитрого курсантского пайка хотелось всегда. На присылаемые от родителей скромные десять рублей много не нагуляешься – пять-шесть походок в местный буфет, и все. Так что поддержка друзей сильно порадовала Сёмку. Настроение не испортил даже появившийся позже всех Степанов.

Сержант разбудил Сёмку в два часа ночи, растряс крепкой рукой и приказал пройти в каптерку. Сёмка со сна вскочил, стал натягивать на себя форму, но Степанов каким-то необыкновенно ласковым тоном остановил:

– Да не одевайся. На минутку – разговор есть.

Семён почувствовал, как сильно от сержанта несло спиртным, перемешанным с луковым духом. Степанов лук употреблял практически вместо хлеба: что бы не попадало к нему в рот, исключая разве что пирожные, сопровождалось луковицей.

Сёмка, так и не надев форму, босиком, в трусах и майке, переступил порог каптерки. Старшина оставлял сержантам ключи от своего хозяйственного помещения на всякий случай – мало ли что может понадобиться в его отсутствие. Степанов усадил Сёмку на табуретку у стола, пододвинул к себе другую, сел напротив, совсем рядом. На столе водка, сало, аккуратно нарезанная домашняя колбаска, пирожки, – столько всякой еды, что у Сёмки, несмотря на вечернее хлебосольство, потекли слюнки. Степанов наполнил две граненые стопки, поддержал обе в руках и, протягивая одну Шлосбергу, начал:

Сёма, чего мы с тобой собачимся? Чего ты все ерепенишься? Вот и в отпуск не съездил. Ты дружи со мной, я плохого тебе не желаю.

Сёмка ошарашенно слушал эту небывалую лабуду и машинально принял протянутый Степановым стаканчик. Александр, не прерывая речи, освободившуюся руку положил Сёмке на колено, вначале вроде дружески похлопывая, а потом эта его здоровенная лапища поползла выше. Сёмка почувствовал не злость, а отвращение к этому большому куску мяса, и это в тот раз спасло Сашку. Сёмка вскочил, выплеснув водку в его красную рожу, а когда тот поднялся, нависнув над курсантом всеми своими двумя метрами гладкого крепкого тела, отступил на шаг и, разогнав в махе опущенную вниз правую руку, нанес внешней стороной кисти удар прямо в центр обширной сержантской груди, сконцентрировав всю силу этой живой плетки в момент соприкосновения с костью грудины. Степанов замер с полуоткрытым ртом, потеряв на мгновение способность дышать. Сёмка развернулся вправо и тут же, словно пружина, развернувшись в обратную сторону, вначале левой рукой, повторив «плетку», махнул его по челюсти. Тут же вслед за этим, правой рукой, сжатой в кулак, попал точно в подбородок. Степанов отлетел к стеллажам с полотенцами, портянками и простынями, повалив на себя все это хозяйство, и затих.

Сёмка налил из графина в стакан воды и выплеснул всю Сашке в лицо. Тот пришел в себя, оглядел каптерку диким взглядом и, осознав происходящее, замахал руками:

– Ничего не было! Сёмка, всё забыли! Вали спать, и еще раз: все, все забудь! Мы ведь в расчете, согласен? Ничего не было!

Утром роту для проведения практических занятий вывезли на расположенный в двадцати километрах от училища аэродром. Повзводно развели к ангарам авиаремонтных мастерских. Сёмкин взвод выстроили в две шеренги лицом к ангару. Было холодно, и инструктор, проводивший вводную часть занятий, старался побыстрее ее закончить. Его было плохо слышно, потому что позади них на рулежку выкатили транспортный Ан-12, и техники стали прогревать двигатели. Винты гнали по бетонке белесую снежную пыль, и курсанты подняли воротники шинелей, защищаясь от колючего ветра. Степанов обходил строй с тыла, заставляя опускать воротники, и когда поравнялся с Сёмкой, стоящим во второй шеренге, зашептал, приблизившись вплотную:

– Вякнешь кому-нибудь, гаденыш, про наши с тобой дела – скажу, что ты, падла, сам меня домогался! – И со всей силы сдавил ему мочку уха.

Этот садистский прием – на морозе сдавить подмороженную ушную мякоть – был известен курсантам, как фирменная подлость от Сашки.

Слова ли, им произнесенные, или эта пронизывающая боль спустили курок судьбы Александра Степанова, уже не имело значения. Огненный шар взвился ввысь и опустился на его голову.

Инструктор вдруг перестал говорить и, глядя поверх курсантских голов, неуверенно поднял руку, будто призывая кого-то за их спинами обратить на него внимание, а потом заорал хрипло, срывая голос:

Стой, придурок, куда?!

Весь строй сломался, развернувшись вслед за этим жестом. Развернулись и замерли в оцепенении. Сашка пятился в сторону самолета с каким-то жутким выражением на лице, беспомощной улыбкой потерявшего рассудок человека. Когда до вращающихся лопастей оставалось чуть больше метра, уже все кричали:

– Стой, идиот! Остановись, убьет!

Сначала показалось, что в сторону отлетела только ушанка, но через мгновение все увидели, что вместе с ней летели осколки черепной кости и серые, перемешанные с красным, брызги.

Вечером, после возвращения в училище, роту выстроили в казарме. Пришли все старшие офицеры, начальник училища, начальник политотдела, начальник учебной части. Все говорили коротко, выражали соболезнование и прочие, принятые в таких случаях, формальности.

Лейтмотивом звучало «несчастный случай». В итоге это и было квалифицировано как несчастный случай – почти рядовое событие в армейской жизни. В жизни огромной армии на просторах огромной страны.

Сёмкин второй взвод собрали в Ленинской комнате. И там разговоры уже были другие. Понятно было, в каком шоке находились очевидцы жуткой картины гибели их командира. Опрашивали вначале всех вместе, потом до глубокой ночи офицер особого отдела и замполит батальона вызывали к себе по одному. Пытались как-то выяснить, чем вызвано было такое странное, необъяснимое поведение сержанта; подозревали чуть ли не самоубийство. Но в конце концов не удалось ничего добиться от ошарашенных, подавленных ребят. Многих стошнило прямо там, на аэродроме, и почти все так до конца и не пришли в себя.

Начальник политотдела, уже во втором часу ночи, еще раз собрал второй взвод и поговорил с курсантами: по-отечески попросил не распускать слухов, не опускаться до какой-то мистики и, еще раз посочувствовав, сообщил, что дает всем кратковременный отпуск на три дня.

Попасть в высшее военное училище было в этих краях очень престижно, а второй взвод считался «блатным» – это были дети разного рода начальников и чиновников, которые пристраивали туда своих сыновей, используя всю мощь властных преференций и связей. Так что у половины взвода в городе и области жили родители. Остальных прихватили с собой имеющие родню курсанты – кто одного, кто двоих, просто по дружбе. Сёмка сказал, что у него есть невеста, и его отпустили, не вдаваясь в подробности.

Ира своего друга никогда прежде не видела в таком состоянии. Осунувшийся, испуганный, ей даже показалось, что его трясло, когда он думал, что она на него не смотрит. К еде не притронулся, только выпил две кружки чая. Она, тактичная девочка, не задавала вопросов, понимая, что в таком состоянии лучше дожидаться, когда он сам скажет о том, что произошло. Он заговорил жарко, быстро сбиваясь, глотая окончания, и нес какую-то несусветность, из которой Ира разобрала только то, что ему надо к бабке-знахарке.

– Ну, есть же всякие тетки, бабки, которые заговаривают, порчу снимают, предсказывают?

Вот к одной из таких Сёмка вдруг страстно захотел попасть и чуть не умолял свою девушку, чтобы она помогла найти ее.

– Может, тебе валерьянки налить?

– Налей!

Эта его готовность даже к валерьянке испугала ее больше, чем весь поток мутного Сёмкиного сознания.

В конце концов, ему пришлось рассказать про гибель их сержанта, конечно, без жутких подробностей, и про то, что он этого сержанта очень сильно ненавидел. Сёмка раз за разом повторял: «Очень сильно ненавидел», и вот он думает, что, может быть, это его ненависть, такая сильная, этого сержанта и убила. И ему надо как-то справиться с этими его внутренними силами, которые ему самому никак ни понять, ни усмирить не удастся.

Если бы Шлосберг просил Иру о таком одолжении в обычной ситуации, в спокойном разговоре, то она, скорее всего, отмахнулась бы от него, и, на самом деле, никаких «бабок-колдуний» она не знала. Но в этот раз, глядя на трясущегося, горячо выплескивавшего эти свои нескладные фразы парня, у нее, словно фонариком, в памяти высветило одно имя – Надежда Вишневская, мама ее детской подружки. Детской, потому что дружили они в детском саду, а потом учились в разных школах и виделись редко, но Ирина помнила странные рассказы про ее мать: будто обладала она экстрасенсорными способностями и даже кого-то вылечила, но больше и от родителей, и от некоторых знакомых слышала, что говорили о Надежде недоброжелательно: «Темная сила, темные дела».

Миловидная, лет сорока пяти, женщина, черные волосы, темные глаза, сидела напротив Сёмки за столом светлого дерева в обычной квартире обычной пятиэтажки. Он только начал рассказывать свою историю, повторяя то, что говорил Ирине, лишь несколько все упорядочив, как Надя, прервав его после нескольких слов, взяла Семёна за руку и внимательно посмотрела в глаза. Сёмка заморгал и сощурился, испытывая от пристальности этого взгляда все возрастающую неловкость.

– Семён, вам не ко мне надо, вам к другому человеку. Он живет за городом, в цыганском поселке, но сам не цыган, не опасайтесь ничего. Дадите ему эту записку, и он вас примет, – она написала на листке бумаги адрес, номер автобуса, который шел от центрального автовокзала, и имя этого человека – Василий Иволгин.

Сёмка вышел из подъезда. Он с трудом перенес эту встречу и тяжелый взгляд этой женщины, но в тоже время ему поверилось в ее способность направить его по верному пути. Он вдохнул полной грудью свежий, морозный воздух и только потом посмотрел на листок. Он не был сложен каким-нибудь специальным образом для тайности послания, а остался обычным прямоугольником с адресом на одной стороне и именем – Надежда – на другой.

Глава 6

Дом по указанному адресу стоял в ряду похожих на него деревянных полуторاةжных строений. Сёмке вспомнилось из какой-то книжки, что верхний полуэтаж называется мезонином. Дом был выкрашен в темно-зеленый цвет, и ставни, которые как раз в это время, на закате солнца, закрывал невысокий мужчина в непривычном для этой местности костюме-«тройке», тоже были сочного зеленого цвета. Мужчина, видимо, почувствовав приближение гостя, обернулся, потирая руки: было градусов двадцать мороза, и железные засовы ставней обжигали холодом.

Шлосберг все это фиксировал каким-то отстраненным взглядом – видимо, от сильного волнения он машинально находил причину отвлечь внимание от неотвратимо тяжелого, как он предполагал, надвигающегося разговора. Ему понравилось то, что он вспомнил это слово – «мезонин», от него веяло ностальгией, уютом и спокойствием.

– Вы ко мне?

Как он произнес это, какой был при этом наклон головы и вся его поза, голос, тон! Сёмка от этих коротких слов почувствовал такое облегчение, такое тепло к этому совершенно незнакомому человеку, что чуть не заплакал. Все его отчаяние, все нервное, на грани срыва, состояние искало выхода, поддержки, надежды на возможность исправить ситуацию, в которой он оказался. И это «Вы ко мне?», словно распахнутые ворота к спасению, привели Шлосберга в дом Иволгина.

Сёмка протянул ему листок той стороной, на которой было имя «Надежда», и Иволгин принял его, проведя рукой по немного смятой шинельным карманом поверхности, будто пальцами считывая это имя.

Просторную комнату в три окна при закрытых ставнях освещала большая люстра с наполовину включенным ожерельем ламп. В центре комнаты – стол с несколькими стульями. Темного дерева старинный буфет с витриной, в которой тускло мерцала фарфором посуда, прислонился к стене, противоположной окнам. В углу – камин и два кожаных кресла, массивных, и тоже, насколько мог оценить неопытный Сёмкин взгляд, из прошлой эпохи. Почти половину комнаты занимали стеллажи с книгами, из такого же, как и буфет, темного дерева, выстроенных (так они выглядели: не сколоченные, а именно выстроенные), похоже, вместе с этим домом, от пола до потолка, несколькими рядами, как в общественной библиотеке. Сёмка такое количество книг и такое расположение книжных полок только в библиотеке и встречал.

– Зовите меня Василий, – Иволгин протянул руку и на ответное «Семён» крепко пожал Сёмкину руку. Он усадил гостя за стол, подошел к камину, пошевелил кочергой горящие поленья и, вернувшись к столу, уселся напротив.

– Надежда просто так ко мне никого не пошлет. Я обязательно предложу вам чай и ужин, если вы проголодались, но позже. Вначале вы расскажете мне, что так сильно смутило вашу душу?

Шлосберг много раз в последующие годы пытался вспомнить, как выглядел Иволгин, но восстановить в памяти не удавалось ничего, кроме серого костюма-«тройки» и ощущения, что он общался с удивительным, интеллигентным, тонким человеком, настолько располагавшим к себе с первых слов, с первых жестов, что ему просто не с кем было его сравнить. А вот черты лица? Разве что седые виски и продолговатый овал неясным пятном всплывали в сознании. Странно это было, впрочем, не более, чем все остальное общение с Василием Иволгиным.

Семён рассказал то же, что уже говорил Ирине и начинал рассказывать Надежде. Иволгин слушал внимательно и, когда Сёмка уже остановился, долго сидел, глядя перед собой в раздумье:

– Как выглядит эта сила? Есть у нее зримый образ?

Шлосберг от неожиданности самого вопроса и долгой паузы перед ним вздрогнул, но про шар говорить не осмелился – просто притих, упрямо сжав губы. Иволгин не настаивал, спросил по-другому:

– К чему ближе это чувство, которое у вас возникает: к воде или огню?

– К огню, – Сёмка с облегчением повторил несколько раз, обрадовавшись, что так отвлеченно можно обозначить ответ.

– Вы опасаетесь той силы, при которой этот огонь возникает в вашем сознании?

– Да, – Сёмка закивал головой, – именно так!

– У вас были случаи, которые отличались один от другого по силе воздействия на тех, кто задел вас, обидел или оскорбил, кто представлял для вас опасность любого сорта? Например, где-то вы видели прямое воздействие на объект, где-то оно было сильнее или слабее, а где-то вы результата сами не наблюдали? Не торопитесь с ответом, это важно!

Сёмка перебрал в памяти те немногие эпизоды, в которых он явственно видел летящий шар. Вспомнил и тот случай, когда он не стал свидетелем того, чем закончилось дело, – случай, который произошел чуть более года назад.

Аська получила квартиру в новостройке от Дома культуры железнодорожников, где она вела музыкальную студию, и новоселье затянулось до глубокой ночи. Сёмка со своим другом, Сашей Вильчинским, остались помочь Аське убрать со стола и вышли из дома только во втором часу. На улицах было пусто и тихо, редкие фонари тускло освещали фасады домов и мостовую.

– Так, наверное, будет выглядеть город после атомной атаки!

– Если бомба нейтронная, – уточнил Сашка.

В этот момент в двух кварталах от них появилась группа ребят, человек пять. Они шли по поперечной улице, но, увидев Семёна и Сашку, резко развернулись. В этом молчаливом развороте, сопровождаемом лишь топотом ног, чувствовалась неприкрытая угроза. Друзья были слегка под хмельком, и это послужило подспорьем к их решению с достоинством принять возможное столкновение. Сашке на одном из соревнований в Москве его японские соперники подарили редкую по тем временам книжку по каратэ с картинками и подстрочным русским переводом. Парни отрабатывали свои приемы на берегу Двины, облюбовав скрытую от посторонних глаз полянку, и были, как им казалось, неплохо подготовлены к рукопашному бою.

– Ну что, Сашка, вот случай! Попробуем – двое против пятерых?

– Давай! Я выберу главного, а ты бей по флангам!

Пять человек; гигантов среди них не было, просто пацаны. Но когда до них оставалось метров пятьдесят, из-за ближайшего поворота вышло еще пятеро.

Дело принимало зловещий оборот, и блеснувшие лезвия ножей у шедших впереди не оставили Сёмке выхода. Он выбрал того, которого посчитал вожаком. Похоже, что все они были крепко выпившими или находились под какой-то дурью. Перекошенное злобой лицо парня, опередившего остальных, вызвало у Сёмки нужную реакцию, и он увидел огненный шар, ввинчивающийся в темный, уже совсем небольшой просвет между ними. Вожак резко остановился и, раскинув руки, перекрыл движение остальным. Потом развернулся и, напугав сонных ворон, хрипло заорал:

– Я в тюрьму не пойду! Хотите резать их – попробуйте начать с меня! – И, размахивая ножом, стал наступать на обалдевших подельников.

Сашка потянул Сёмку за рукав, и они не стали досматривать неожиданное представление, только слышали затухающие крики, ругань и стоны, доносившиеся от развернувшегося внутри стаи боя.

– Что это было? – Сашка пылливо посмотрел на друга, как только они остановились, почувствовав себя в безопасности.

Сёмка с трудом сдержался от нахлынувшего желания все выложить товарищу, но лишь только он раскрыл рот для этого откровения, как его поток, словно плотиной, перекрыла невидимая преграда, и он произнес совсем другие слова:

– Наверное, у одного из них проявился инстинкт самосохранения, а может, совесть проснулась?

Шлосберг сам почувствовал, как фальшиво это прозвучало.

– Совесть? Ты их морды видел? Это же зомби, они наверняка под каким-то ядовитым кайфом были, – Сашка с недоверием и, как показалось Семёну, с подозрением уставился на него, заглядывая прямо в глаза.

– Да я-то тут при чем? Не меня же они испугались! Раз под кайфом, значит, просто крыша поехала, радуйся, что не в нашу сторону.

Эта картина во всех подробностях за несколько секунд пролетела перед Сёмкиными глазами. Иволгин не отвлекал, только внимательно наблюдал за выражением его лица.

– Да, были разные случаи, и был один, когда я не мог быть уверен, чем все закончилось.

Шлосберг действительно так и не узнал, что случилось с теми ребятами, от которых им с Сашкой удалось уйти невредимыми.

– Вы должны научиться чувствовать на опыте всех этих эпизодов, непохожих друг на друга, когда наступает момент, после которого вы не в состоянии справиться с той силой, которой владеете. И именно в этот момент вы должны решить: готовы вы к тому, что случится дальше, или хотите это остановить? Устроит вас такая формулировка задачи?

Семён задумался: он сам не смог бы так точно определить, чего он хочет.

– Да, то, что вы сказали, – это здорово! Но как остановиться на этой черте? Мне кажется, я умею определять, когда к ней подхожу, но управлять этим переходом я не могу.

Иволгин встал и отошел к камину. Рядом, на мраморной полке, лежали две металлические штуковины, согнутые под прямым углом в виде буквы «Г», с деревянными ручками на коротких концах:

– Это рамки, – объяснил Иволгин. – Слышали когда-нибудь, как измеряют биополе человека?

Шлосберг отрицательно помотал головой.

– Встаньте и отойдите к стеллажам. Я скажу, когда остановиться.

Сёмка видел, как зашевелились эти две спицы, похожие на антенны. Он отошел на два-три метра. Иволгин попросил отступить еще, потом еще. В конце концов, Семён уперся в стену, а рамки все крутились.

Василий принес чай, пирожки с мясом и картошкой. Сам не ел, смотрел, как Сёмка, успокоившись, уплетает сдобу.

Потом сказал:

– Мне неведомы истоки вашей силы. Если я скажу, что они чудовищны, вы испугаетесь, поэтому я скажу, что они ни с чем в моей практике не сравнимы. Эти рамки не реагировали так ни на одного из многих и многих моих посетителей, часто людей очень непростых. Вы дошли до конца стеллажей, но я не уверен, что будь там еще столько же пространства, рамки бы успокоились. Сделаем так. Вы придете ко мне через неделю. Я приготовлю для вас напиток – «амброзию», назовете, как вам понравится. Это будет двухсотграммовая склянка. Вы должны будете заполнять этой жидкостью ампулу – я дам вам несколько таких – вмещающую грамм этой жидкости. Вы должны будете принимать ее в тот момент, когда решите нивелировать вашу вспышку или хотя бы ослабить ее. Это надо будет делать немедленно или, если нет для этого никакой возможности, в ближайшие минуты.

Вы должны знать, что ваша сила может действовать на расстоянии, и это потребует некоторого времени для достижения ее пика. Еще она может воздействовать не сразу, а проявиться

позже. Это все, что я могу для вас сделать и как-то объяснить то, что может происходить в дальнейшем. Когда вы придете ко мне в следующий раз, мы не будем с вами разговаривать – вы возьмете то, что я приготовлю, и уйдете. Мы никогда больше не будем встречаться. Это не оттого, что вы мне чем-то неприятны, напротив, вы произвели на меня самое лучшее, очень сильное, – Иволгин улыбнулся, – даже неизгладимое впечатление. Но я, как и вы, устроен особым, отличным от большинства людей, образом, и вы для меня опасны. Рядом с вами я расходую слишком много своей собственной энергии. На сегодняшний разговор меня хватило, второй раз может закончиться катастрофой.

Глава 7

Валдис Курлайс расставлял столы на лужайке своего загородного дома. Он пригласил на уикенд двадцать человек: родственников, друзей и коллег по работе. Среди них двух женщин – Инету Ундрате и Ингу Скривере, которых прежде никогда в свой дом не звал. Когда его жена увидела имена этих двух дам в списке приглашенных, она удивилась и спросила, почему они тут оказались. Он не смог ответить, только пожал плечами.

Он и для себя не мог сформулировать ответ: для чего они понадобились ему за его столом, среди самых близких, посвященных в те стороны жизни, которые оставались тайной для тех, кто в ближний круг не входил. Он испытывал по отношению к ним непривычное прежде, зудящее желание разглядеть их вблизи, в нестандартной обстановке, надеясь увидеть их лица, лишенные напряженных, настороженных масок, которые неизменно надевались в театре офисного пространства.

Курлайс получил прекрасное образование за рубежом и десять лет вел тяжелую карьерную борьбу, завоевывая признание высоких господ в престижном шведском холдинге. Он заработал авторитет, который основывался, в первую очередь, на его профессионализме и организаторском таланте. Но был целый ряд негласных условий и границ, которые опасно переходить в этом устройстве сложных психологических и моральных отношений. Стокгольмский офис не должен был тревожиться по каким-то внутренним или внешним проблемам филиала. На поверхность не должны были просачиваться конфликты с окружающим пространством: финансовыми структурами, государственными чиновниками контролирующих органов, с местными политиками и прессой.

Эти женщины наверняка не сознают, какие неприятности на этом сложном пути они для него создали. Первый тревожный сигнал он получил в начале перехода на новую систему обслуживания Прибалтики в приватном разговоре с одним из аналитиков компании – молодым, амбициозным, не успевшим усвоить принятые нормы пиетета и основы взаимоотношений в сложной иерархии компании. Он предоставил короткую аналитическую записку о состоянии дел в процессе подбора нового пакета поставщиков, отдельной строкой пометив возможную проблему с одной небольшой компанией, имеющей американского партнера, проработавшей с «Римини» практически с момента прихода сети на местный рынок. Компанией, чье руководство резко возмутилось несправедливым, по их мнению, разрывом отношений.

Курлайс вызвал Инету и в присутствии аналитика попросил ее прояснить ситуацию. Когда она с непривычной для ее холодной натуры горячностью докладывала о том, что конкурс выиграли фирмы с лучшими показателями, он спросил:

– Каким образом вы смогли это выяснить, не дав им поработать какое-то время вместе, если эта «Веста» устраивала нас целых тринадцать лет?

Тогда Инета привела, по ее мнению, серьезнейший, критический в данной ситуации, аргумент об угрозе Шлосберга в отношении беременной сотрудницы.

Шлосберг. Курлайс впервые услышал эту фамилию.

– Господи, так он еще и Шлосберг! – Валдис не смог скрыть презрительно скривившихся губ. Он видел, как на его непроизвольную эмоцию мысленно среагировала Инета: «Он на моей стороне».

Когда она ушла, аналитик попросил еще минутку и дополнил характеристику этой взбунтовавшейся фирмы. Ее основатель – американец, выходец из нашей страны. Все его родственники убиты в местах массовых расстрелов евреев во время войны. Он посетил нашу республику сразу после обретения ею независимости, во главе делегации бизнесменов из Соединенных Штатов. Открытая им в Прибалтике совместная компания – очень маленькая часть американской компании с миллиардным состоянием.

Затем аналитик добавил:

– Я полагаю, что деньги не играют для него решающей роли. Это моральный аспект, дань памяти прошлым трагическим событиям, и эту разницу в подходах к стандартным проблемам взаимоотношений с поставщиками рекомендуем учитывать.

После того, как молодой человек покинул кабинет, Курлайс задумался. Переходный период вызвал недовольство многих компаний, подача исков в суд стала рутинной для работы адвокатов «Римини». Но судя по докладу этого ретивого паренька, тут вырисовывалась иная ситуация. Тут бизнес мог уйти на вторую позицию, а этические нормы – стать тем нарушением границ, которое менее всего стоило провоцировать из-за такой незначительной экономической единицы, какой по показателям оборота являлась «Веста».

Когда на следующий день к Курлайсу на стол легло письмо на фирменном бланке с логотипом «Весты», он не мог не отметить железную логику претензий, одна из которых заключалась в том, что на их место эти идиотки привели поставщика конкурирующей сети, отличаться от которого в качественном уровне «Весту» просили менеджеры «Римини» все эти годы.

Через несколько дней служба безопасности получила сведения о том, что работники офиса и склада «Весты», как только выяснили, кем заменили их коллекцию, в возмущении приготовились провести демонстрацию под объективами видеокамер у офиса «Римини», у шведского посольства и прокуратуры. Они уже приготовили плакаты, на которых основным лозунгом стал: «“Римини” = коррупция» и «Коррупция = “Римини”». Правда, позже Шлосберг эту самодеятельность остановил, пообещав людям решить проблему мирным путем. Валдис повторно вызвал Инету и, с трудом сдерживая гнев, поинтересовался:

– Почему бы в такой сложной ситуации не дать возможность этой маленькой фирме встать рядом с теми, кого вы привели вместо них?

Инета сквозь посиневшие, плотно сжатые губы, процедила:

– Уступим одним – поднимут шум остальные.

Валдиса так и подмывало спросить, сколько она взяла с тех, кого прикрывает, рискуя всем? Но он видел, что она закусила удила, и на такой вопрос вполне может задать встречный, неприемлемый ни с какой стороны, поэтому он вынужден был ее отпустить.

Стало понятно, что проблема не разрешится сама собой. Когда ему принесли из редакции гранки¹ одной ведущей газеты статью со всей той информацией, которую он получил в письме Шлосберга, он сломал в раздражении, читая ее, красный карандаш, которым подчеркивал особенно колкие строки журналистского расследования.

Ко всему добавилось и то, что копию письма секретарь переслал его непосредственному начальнику, Эдгару Тириняйме. Невозмутимый эстонец не касался сложных личных отношений в офисе и, не желая участвовать в их разборках, отправил эту копию в Стокгольм. В результате Курлайсу пришлось выдержать неприятнейший разговор с большим боссом, Йонасом Ингеборгом. Тот закончил беседу жестким требованием – разобраться во всем и вопрос закрыть.

Валдис стоял у расставленных в линию столов, постукивая пальцем по их пластиковой поверхности. На его худом, загорелом лице в такт нервным движениям руки перекатывались желваки, натягивая кожу на выступающих скулах. Жена принесла скатерти и с удивлением уставилась на непривычное зрелище: Валдис заиндевевшим взглядом смотрел вдаль, с выражением такой ненависти на лице, что она усомнилась в том, что это ее невозмутимый добродушный супруг.

¹ Гранки – статья, уже прошедшая процедуру верстки и возвращенная автору для последнего окончательного согласования перед публикацией.

У таких людей ненависть приобретает особенную силу. Необходимость сдерживаться, подчиняясь обязанности соответствовать устоявшемуся в восприятии окружающих облику уравновешенного, уверенного в себе солидного человека, делает ненависть особенно глубокой, темной, складывающейся в нерастворимые пласты, которыми заполняется душа.

– Милый, что с тобой? Все в порядке?

Валдис с удивлением посмотрел на супругу:

– Да, конечно, – и забрал у нее из рук скатерти. – Я справлюсь, займись салатом. – И успокаивающе добавил: – Все хорошо, дорогая, просто задумался.

Нет, все было не хорошо. Курлайс застелил столы и отошел к жаровне. Высыпая уголь из бумажного мешка в стальной короб, он вновь ушел тяжелыми мыслями в сторону. В какой-то момент замешкался и насыпал больше, чем предполагал. Стал совком убирать лишнее, и желваки вновь заиграли под кожей.

Эти две глупые и жадные тетki создали ситуацию, при которой ему пришлось нарушить границы дозволенного. Он вызвал раздражение у «структуры», попал под пристальный взгляд хозяйского недовольства и перестал чувствовать себя неприкасаемым. Да, он босс в своем курятнике, но и у него есть хозяева – большие люди. Иногда он забывал про это, все было контролируемо, устойчиво. Он ходил по офису пружинистой, спортивной походкой очень здорового физически человека, у которого на душе нет ни одного темного пятнышка, недостижимый для кружившего вокруг народа, зависимого от его благосклонности. Эти люди терялись перед ним, высоким, с гордо посаженной на крепкой шее головой. Он был заточен на высокомерие, он источал высокомерие, не фальшивое, подстегиваемое искусственно: оно было абсолютно гармонично, оно встраивалось во всю парадигму его мироощущения и действовало на окружающих, как наркотик. И вот теперь он чувствовал, что этот его естественный защитный слой куда-то испарился, и его заменил липкий отвратительный страх, неясное предчувствие беды.

Глупые и жадные. Сколько они получили от тех, из-за кого убрали из сети этого въедливого парня? Десять тысяч? Двадцать?

Их поляна намного шире: могли ведь этот «крепкий орешек» обойти, удовлетвориться другими «донорами», но нет – им надо было вцепиться в него, не потерять ничего из открывшихся возможностей, загрести все. Из-за этой мелочи они подставили его серьезные дела с серьезными людьми, перед которыми в случае чего придется отвечать. Он теперь под светом прожекторов в самое неудачное, самое непредсказуемое время.

Еще и этот скандал с офшорами в Панаме. Он еще не фигурирует в тех списках, но ведь это только начало. Американские органы контроля над банковской деятельностью в последнее время стали проявлять острый интерес к местным финансовым площадкам. А там его следы повсюду.

Следы к счетам, в, казалось бы, недостижимой дали экзотических островов. Следы к его небольшой, но очень уютной вилле в Марбелье и покачивающейся на теплой волне в ближайшем к ней яхт-клубе шестидесятифутовой яхте. Следы к его дорогой недвижимости тут, на родине, и к бизнесу его родственников и близких друзей, через которых идут поставки основных групп товара в сеть. Все это зависло из-за каких-то дурацких бантиков и гребешков, зависло над пропастью, такой, оказывается, близкой, такой неожиданной и бесконечно глубокой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.